THE PERSPECTIVE OF NEW ERA SCIENCES
INTERNATIONAL SCIENTIFIC JOURNAL
www.global-science-review.com
editor@global-science-review.com

ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ ОДУШЕВЛЁННОСТИ, НЕОДУШЕВЛЁННОСТИ И РОДА ИМЁН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ

Бобоахмедова Азиза, Баратова Лайло
Студентки 2 курса Термезского государственного университета (ТерГУ)

Аннотация. В статье проводится сопоставительный анализ грамматических категорий одушевлённости и неодушевлённости, а также категории рода имён существительных в русском и узбекском языках. Особое внимание уделяется семантическим и морфолого-синтаксическим признакам рассматриваемых категорий, специфике их формального выражения в парадигме винительного падежа и особенностям синтаксического согласования. На основе контрастивного исследования выявляются изоморфные и алломорфные черты двух разносистемных языков - флективного (русского) и агглютинативного (узбекского). Отдельно анализируются типичные интерференционные ошибки и методические трудности, возникающие у узбекоязычных студентов

при освоении грамматической системы русского языка, а также предлагаются практические рекомендации по их преодолению.

Ключевые слова: имя существительное, одушевлённость, неодушевлённость, грамматический род, русский язык, узбекский язык, сопоставительная грамматика, винительный падеж, синтаксическое согласование, языковая интерференция.

Введение. Имя существительное является одной из центральных самостоятельных частей речи как в русском, так и в узбекском языке. В обеих языковых системах оно обладает общекатегориальным значением

предметности и обозначает конкретные предметы, лица, живые существа, явления природы, события и отвлечённые (абстрактные) понятия. Вместе с

тем грамматический строй каждого языка наделяет имя существительное специфическим набором морфологических категорий, которые определяют его словоизменительную парадигму и правила функционирования в речи.

В системе русского языка к числу важнейших грамматических характеристик имени существительного относятся категории рода, числа, падежа, а также одушевлённости и неодушевлённости. Данные категории получают регулярное формальное выражение как на морфологическом уровне (в системе флексий), так и на синтаксическом уровне через правила связи существительного с другими членами предложения. В узбекском языке

морфологическая структура имени существительного организована принципиально иначе: грамматическая категория рода в нём полностью отсутствует, а семантический признак одушевлённости не влияет на выбор падежного показателя прямого дополнения так, как это

происходит в русском языке.

Категория одушевлённости и неодушевлённости в русском языке представляет собой лексико-грамматический разряд имён существительных, основанный на противопоставлении названий живых существ названиям неживых предметов и явлений. В семантическом плане к одушевлённым существительным преимущественно относятся наименования людей и

животных (человек, студент, преподаватель, ребёнок, кошка, собака, птица), тогда как к неодушевлённым - названия неодушевлённых предметов, явлений природы, веществ и абстрактных понятий (книга, стол, вода, солнце, радость, знание).

Однако грамматическая категория одушевлённости не тождественна биологическому противопоставлению живого и неживого. В русском языке

наблюдается ряд случаев расхождения между семантикой слова и его грамматическим оформлением: так, существительное кукла грамматически относится к неодушевлённым, тогда как существительное покойник - к одушевлённым. Следовательно, при квалификации слова по

признаку одушевлённости или неодушевлённости необходимо опираться прежде всего на его грамматическое поведение в парадигме склонения, а не только на внеязыковую (денотативную) соотнесённость.

Основным формальным показателем категории одушевлённости в русском языке выступает омонимия падежных форм - соотношение формы винительного падежа с формами именительного или родительного падежей:

у одушевлённых существительных мужского рода в единственном числе форма винительного падежа совпадает с формой родительного падежа (вижу студента, встретил ученика, позвал друга); у неодушевлённых существительных мужского рода в единственном числе форма винительного падежа совпадает с формой именительного падежа (читаю учебник,

открыл журнал, увидел стол).

Аналогичное грамматическое противопоставление последовательно реализуется во множественном числе для существительных всех трёх родов: у одушевлённых существительных винительный падеж совпадает с родительным (вижу студентов, сестёр), у неодушевлённых — с именительным (вижу книги, столы, окна). У существительных женского рода первого склонения в единственном числе данное различие не выражается через

омонимию падежей, поскольку они имеют специфическую флексию винительного падежа (вижу сестру — вижу книгу). Таким образом, категория одушевлённости и неодушевлённости имеет в русском языке чёткое морфологическое и синтаксическое выражение.

Категория рода является классифицирующим (несловоизменительным) грамматическим признаком имени существительного в русском языке.

Традиционно все изменяемые существительные в единственном числе распределяются по трём родам — мужскому, женскому и среднему:

к мужскому роду относятся такие существительные, как студент, преподаватель, город, стол;

к женскому роду — студентка, учительница, книга, школа, тетрадь;

к среднему роду — окно, море, здание, солнце, письмо.

Родовая принадлежность имени существительного определяется комплексно с учётом его морфологической структуры (характера основы и системы падежных окончаний), семантики (для наименований лиц и некоторых животных) и, что особенно важно, синтаксического согласования с зависимыми словами: новый студент, интересная книга, большое окно.

Имена прилагательные, причастия, порядковые числительные и отдельные разряды местоимений согласуются с существительными в роде, числе и падеже. Кроме того, категория рода находит синтаксическое выражение в формах сказуемого, выраженного глаголом в прошедшем времени или в сослагательном наклонении: студент пришёл, студентка пришла, письмо пришло.

Наряду с существительными трёх основных родов в русском языке выделяется группа существительных общего рода (например, умница, неряха, плакса, соня). Их грамматический род носит функционально-синтаксический характер и актуализируется в конкретном речевом акте в зависимости от пола обозначаемого лица, что маркируется формами согласуемых слов:

Он такой умница (мужской род) — Она такая умница (женский род).

Таким образом, категория рода выполняет важнейшую конструктивную функцию в организации словосочетания и предложения в русском языке. Ошибки в определении родовой принадлежности существительного неизбежно ведут к нарушению норм синтаксического согласования, что делает данную категорию одной из ключевых при обучении русскому языку.

Особенности выражения одушевлённости и рода в узбекском языке

В узбекском языке, относящемся к тюркской языковой семье, противопоставление живых существ и неживых предметов реализуется преимущественно на лексико-семантическом уровне и не образует самостоятельной морфологической категории, влияющей на тип склонения. К именам существительным, обозначающим живых существ, относятся лексемы

odam («человек»), bola («ребёнок»), o'qituvchi («учитель»), mushuk («кошка»), qush («птица»);

к наименованиям неживых предметов — kitob («книга»), stol («стол»), uy («дом»), daraxt («дерево»), suv («вода»).

Данное семантическое разграничение не влечёт за собой варьирования падежных флексий (аффиксов) по русской модели. В узбекском языке аффикс винительного падежа (tushum kelishigi) -ni присоединяется единообразно как к одушевлённым, так и к неодушевлённым именам существительным: Men akamni ko'ryapman («Я вижу старшего брата»); Men kitobni o'qiyapman («Я читаю книгу»). Следовательно, лексический признак одушевлённости сам по

себе не определяет выбор падежного показателя -ni (его наличие или факультативное опущение в узбекском языке обусловлено категорией определённости – неопределённости объекта, а не одушевлённостью).

Грамматическая категория рода в узбекском языке полностью отсутствует. Имена существительные не дифференцируются на мужской, женский и средний род и не имеют специальных словообразовательных или словоизменительных формантов для регулярного выражения родовой принадлежности. Например, лексема talaba в равной степени обозначает

как студента, так и студентку, а существительное o'qituvchi - преподавателя как мужского, так и женского пола.

При коммуникативной необходимости уточнить биологический пол лица или животного в узбекском языке привлекаются исключительно

лексические (аналитические) средства слова-детерминативы erkak («мужчина»), ayol («женщина»), o'g'il bola («мальчик»), qiz bola («девочка»). Таким образом, семантика пола в узбекском языке передаётся лексически, но не оформляется в виде грамматической категории рода имени существительного.

Сопоставительный анализ показывает, что тождественные понятийные и синтаксические отношения в русском и узбекском языках оформляются принципиально разными грамматическими средствами. В русском языке грамматический род имени существительного детерминирует морфологическую форму согласуемых с ним определений (прилагательных,

местоимений) и глагольных сказуемых в форме прошедшего времени. В узбекском языке подобное синтаксическое согласование по роду отсутствует ввиду отсутствия самой категории рода.

Результаты сопоставительного анализа категорий одушевлённости, неодушевлённости и рода обладают высокой прикладной ценностью для методики преподавания русского языка в узбекоязычной аудитории. Поскольку в родном языке студентов грамматический род отсутствует, а одушевлённость не влияет на оформление прямого дополнения, при освоении

русской грамматики закономерно возникает отрицательная межъязыковая интерференция.

Наиболее типичные ошибки узбекоязычных учащихся связаны с нарушением координации и согласования при выборе форм прилагательных, притяжательных и указательных местоимений, глаголов прошедшего времени, а также с неверным образованием форм винительного падежа существительных. В связи с этим в учебном процессе необходимо

целенаправленно формировать у студентов навык разграничения конструкций с одушевлёнными и неодушевлёнными существительными

(например, вижу студента -вижу стол), а также автоматизировать модели родового согласования (новый студент, новая студентка, новое окно).

Для предупреждения и преодоления интерференционных ошибок целесообразно применять комплекс методических приёмов:

использование наглядных сопоставительных грамматических таблиц и схем;

выполнение трансформационных упражнений на определение рода существительных иизменение синтаксических конструкций;

практику двустороннего перевода (с узбекского языка на русский и с русского на узбекский) с последующим грамматическим комментарием;

творческие задания на самостоятельное конструирование предложений с одушевлёнными и неодушевлёнными существительными в различных падежных формах.

Опора на сопоставительный метод позволяет обучающимся перейти от механического заучивания разрозненных правил к осознанному пониманию системных различий между русским и узбекским языками, что способствует формированию устойчивой грамматической компетенции, развитию устной и письменной речи и повышению общей эффективности обучения.

Заключение. Проведённое исследование подтверждает, что категории одушевлённости и неодушевлённости, а также грамматический род занимают ключевое место в морфологической системе имени существительного русского языка. Категория одушевлённости получает регулярное формальное выражение в парадигме склонения через соотношение форм винительного падежа с формами именительного или родительного падежей. Категория рода, представленная противопоставлением мужского, женского и среднего родов (а также функциональной группой слов общего рода), выступает стержневым

механизмом организации синтаксического согласования в русском предложении.

В узбекском языке грамматическая категория рода отсутствует, а семантическое разграничение живых существ и неживых предметов относится к лексическому уровню и не обусловливает выбор падежного аффикса прямого дополнения по модели русского языка. На материале сопоставления примеров из русского и узбекского языков установлено, что тождественные семантико-синтаксические отношения получают в двух языках различное структурное оформление.

Список использованной литературы

1. Русская грамматика: в 2 т. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование.Морфология / под ред. Н. Ю. Шведовой. — М.: Наука, 1980.

2. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). — М.: Высшая школа, 2001.

3. Современный русский язык: учебник для студентов высших учебных заведений / под ред. П. А.Леканта. — М., 2007.

4. Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. — М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1960.